

ВРЕМЯ ПРАКТИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ

Сегодня, как и вчера, экономика продолжает определяться идеологией. Есть либералы-социалисты и либералы-капиталисты; есть либералы и социалисты, есть просто сторонники свободы предпринимательства. Они поддерживают государственную собственность или же, что встречается чаще, высказываются за приватизацию. Такова общая схема среды, в которой мы все вместе живем.

Сегодня трудно назвать более очевидную и, тем не менее, упорно повторяемую ошибку. В современной экономической и политической системе идеологический окрас служит определенного рода оазисом, в котором можно не думать, потому что думать неудобно. Он, в частности, позволяет ограничиваться банальными формулировками вместо того, чтобы принимать социально значимые решения. Это легко понять, если бросить даже самый поверхностный взгляд на нынешнее положение.

Совершенно бесспорна задача хорошо отлаженной экономики эффективно производить товары и услуги и перераспределять доходы социально приемлемым и экономически практичным способом. Нет сомнения в том, что современная рыночная экономика в экономически развитых странах производит товары и услуги широкого потребления в достаточном и даже чрезмерном количестве. И она действительно не только не ограничивается удовлетворением спроса на продовольственные товары, костюмы, мебель, автомобили, театральные посещения и многое другое в еще большем количестве, но и побуждает к созданию новых потребностей с тем, чтобы потом удовлетворить их. Одна из любимейших идей экономической ортодоксальности сводится к идее суверенитета потребителя. Вместе с тем никто не хочет признавать, что этот суверенитет на деле подчинен тому, кто фактически должен работать на потребителя. Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать популярные рекламные издания и проследить за шумными кампаниями по продвижению товаров и услуг на наш рынок. Однако экономисты – создатели наиболее жестких экономических схем, похоже, не смотрят телевизор.

Нелепо думать, что государство обязано брать на себя обязательство по развитию бурной деятельности в качестве поставщика товаров и услуг. Открытие изобилия и разнообразия товаров и прочих благ в западных странах, сделанное ТВ и другими средствами массовой информации, стало одним из факторов дестабилизации социалистических режимов в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе. Постоянный дефицит и жесткая система распределения чаще всего устаревших некачественных товаров и услуг сыграли свою роль в их крушении. В защиту социализма и государственной собственности на средства производства можно говорить только, что экономика потребления была для них фантастически недосягаемой. Такой же фантазией была бы постановка задачи промышленникам производить машины и оборудование (инвестиционные товары) в таком количестве, чтобы обеспечить изобилие товаров массового спроса.

Тезис, лежавший в основе социалистического постулата, прочно довел над общественным мнением. Он был однозначно целенаправлен на захват власти, хотя, впрочем, и сегодня он нет-нет, да и дает о себе знать в некоторых рецидивах социалистической мысли.

Собственность, оторванная от капитала, от средств производства, масса рабочих мест, позволяющая держать под контролем трудовой люд, зависящее от этого личное благосостояние каждого предполагают интимное единение с государством: все это в прошлом, вне всякого сомнения, давало ничем не ограниченную власть. Маркс и Энгельс в своем «Манифесте коммунистической партии» без особого преувеличения утверждали, что «исполнительная власть современного государства является ничем иным как органом иного управления интересами всей буржуазии».

Нет сомнения, что и сегодня власть держится на собственности капитала. Однако на крупных предприятиях в наши дни собственность и контроль, как правило, больше не являются единым целым. Крупные капиталистические предприниматели, некогда владевшие и управлявшие собственными предприятиями, исчезли навсегда. Вместо них появляется массовая и часто махровая производственная бюрократия. Она действует в совокупности с акционерами, оказывающими ей финансовую поддержку, но не имеющими голоса в оперативном управлении. Предприятия, действовавшие некогда в монопольном режиме, и оказывавшие на потребителя неограниченное ценовое давление в условиях отсутствия конкуренции, в Соединенных Штатах стали предметом специального антимонопольного законодательства. Они были вынуждены включиться в международную конкуренцию и заняться бурно развивающимися технологическими нововведениями. То, что сегодня представляется важным и экономически авторитетным, завтра может обернуться безнадежно устаревшим. Поэтому в наши дни вызывает беспокойство не столько власть предприятий, сколько, нередко, застой и некомпетентность производственной бюрократии. Определенная часть усилий, которую в свое время менеджеры направляли на эксплуатацию рабочих и потребителей, сегодня уходит на завоевание, сохранение и закрепление собственного положения на предприятии и, в частности, на выбивание собственной зарплаты. Таким образом, такой универсальный побудитель, как максимизация личной прибыли теперь может привлекать, и действительно привлекает тех, кто реально стоит во главе предприятия.

Это вовсе не значит, что политического обладания властью, собственного влияния предприятий на государство и на общество, стало меньше. Большие и малые предприятия, отдельно или совместно, выступая в качестве крупных промышленных концернов, все еще продолжают довлеТЬ в политике силой своих экономических интересов. Но теперь они являются обширной частью сообщества и обладают голосом в капитале, созданном самим экономическим развитием. В свое время кроме крупных капиталистов, были только пролетарии, крестьяне и землевладельцы. Все остальные были подавлены и особо не выступали. Однако с течением времени в обществе образовалась масса ученых, студентов, журналистов, телевизионных работников, адвокатов, врачей и многих других. И все они захотели заявить о себе. Голос предпринимателей стал одним из них. Те, что призывали о государственной собственности на средства производства и с жаром говорили о преимуществах такого устройства общества, давно затерялись во мгле истории. Опыт стран, в которых государственная собственность на средства производства использовалась политическими режимами на протяжении долгих десятилетий как в Советском Союзе, государствах Восточной Европы, Китае, показал, что она не обеспечивает свободы граждан. Скорее наоборот. Как следствие, основополагающие каноны социализма не смогли проявить себя в полной мере. Процесс стал необратимым. Социалистические партии все еще есть, но ни одна из них не выступает в защиту государственности в самом полном и традиционном смысле этого слова. Четвертый пункт английских лейбористов, на протяжении многих лет выражавший поддержку такой политической линии и долго считавшийся своего рода романтической связью с прошлым, сейчас был формально исключен из программы партии.

Если социализм больше не может считаться системой, обеспечивающей благоприятные условия жизни в обществе, то что же говорить о капитализме в его

классической форме. Краеугольным камнем является положение, в соответствии с которым с ростом и развитием современной экономики на государство ложится все большая ответственность. В первое, что бросается в глаза, - это появление ряда потребностей, которые частная экономика по природе своей, не в состоянии удовлетворить. Складывается положение, в котором все больше чувствуется постоянно растущее расхождение между общественными стандартами и частными интересами. Дети, посещающие далеко не лучшие государственные школы, смотрят по телевидению разнообразные программы с богатым техническим оснащением. Дома благоустроенных районов городов элегантны и чисты, в то время как дороги и тротуары перед ними утопают в непролазной грязи. Книги, предлагаемые в книжных магазинах, приводят в восторг читателей своим разнообразием и количеством, в то время как в государственных библиотеках выбор поражает своей скучностью. Но к этому мы еще вернемся.*

Есть широкое поле деятельности для государственных служб, необходимых для правильного функционирования частной экономики. Их роль становится все более важной по мере дальнейшего экономического развития. Бурно растущий товарооборот испытывает острую необходимость в непрерывном развитии сети современных автострад; большее потребление влечет за собой большую переработку отходов; рост воздушных перевозок неизбежно оборачивается потребностью в строительстве новых крупных аэропортов и вовлечении в производственные отношения все большего числа мужчин и женщин, внедрения сложных технологий в систему обеспечения безопасности полетов.

При усилении хозяйственной деятельности все более сложной становится защита и безопасность граждан и предприятий. Когда не было автострад, не было также необходимости в автоинспекции. Современный рынок радует своим разнообразием продуктов, и в равной мере все более острой становится потребность в их выборе, исходя из их качественного содержания, например, с учетом содержания жиров и риска набрать лишние килограммы. Сама жизнь заставила производителя указывать на упаковке своей продукции все ее преимущества и противопоказания. Достигнув более или менее удовлетворительного уровня жизни, люди стремятся защитить собственное здоровье от того, что в свое время считались вполне нормальным и не представляло риска для человеческого существования. По этой причине вместе экономическим развитием особое значение обретает общественное влияние и системой государственного регулирования. Именно в этом отношении социализм в своем классическом виде показывает свою несостоятельность.

Кроме того, современная экономика, без вмешательства общественности, не может гарантировать стабильного экономического прогресса. Люди могут страдать от разорительных спекуляций, длительных и тягостных периодов спада или депрессии. Едва ли кто-нибудь сомневается в том, что для противостояния этим явлениям государство должно быть наделено всеми компетенциями. Любой президент или премьер-министр знает, что во время новых выборов ему придется держать ответ, и он нередко слышит обвинения в неудовлетворительном положении дел в экономике.

По мере того как социализм в узком понимании этого слова преставал считаться приемлемой и эффективной идеологией, на сцену стала выдвигаться другая, противоположная по смыслу доктрина. Речь идет о теории приватизации, обобщенном преобразовании государственных предприятий в частные и их возвращении в рыночную экономику. Как правило, приватизированные предприятия обладают неоспоримым преимуществом по сравнению с постулатами ортодоксального социализма. Складывается обширная область хозяйственной деятельности, в которой рынок по праву должен обладать полным суверенитетом. Вместе с тем существует постоянно увеличивающаяся сфера деятельности, в которой участие государства не только необходимо, но и социально более

эффективно. Система приватизации, таким образом, в качестве побудителя общественной активности едва ли обладает преимуществами перед социализмом. Главные цели обеих доктрин предоставляют политикам удобные лазейки для того, чтобы не думать. Благополучное общество в этом отношении руководствуется основным правилом: каждое решение в экономическом и общественном плане принимается только по необходимости. Время всеохватных учений ушло: наступила эпоха экономического pragmatизма.

Конечно, в современной экономической и общественной системе бытуют мнения о необходимости государственного вмешательства в реализацию соответствующей политики. Нынешняя рыночная экономика, которая так бесперебойно насыщает рынок товарами и услугами широкого потребления, иногда делает небольшой шаг назад, в меру своих успехов. Вкладываются небольшие инвестиции, близкие иногда даже к нулю, с оглядкой на долгосрочную выгоду. Еще меньше выделяется денег для предотвращения отрицательных для общества тенденций, проявляющихся в виде издержек производства, не говоря уже об ответственности за ущерб, наносимый окружающей среде. Но к этому мы еще вернемся.

Другие примеры государственного инвестирования вне рамок частного предпринимательства на глазах у всех. Современная аeronautika, в значительной мере является продуктом военных изысканий и разработок. Многие медицинские открытия финансируются из государственного бюджета; в противном случае их никогда бы не сделали, учитывая возможности предприятий и частных исследователей. Еще более осязаемы современные достижения в сельском хозяйстве. Они тоже связаны с финансовым участием государства.

В послевоенный период, экономический прогресс в Японии был достигнут, прежде всего, благодаря исследованиям с привлечением государственных инвестиций; безусловно это воспринимается как норма. Во всех странах развитие экономической системы связано с государственным финансированием автострад, аэропортов, почтовых служб и городской инфраструктуры.

Мораль заключается в этом. В благоустроенном и разумном обществе политика и ее реализация не втискивается в прокрустово ложе отдельных идеологий или модных доктрин. Любое действие должно быть соразмерно потребностям каждого конкретного случая. Конечно, приятней оседлать любимого конька в виде политической или экономической веры: «Я за свободу предпринимательства» или «Я жесткий сторонник государственного вмешательства в экономику» - но, позволим себе повториться, это не что иное, как попытка избавиться от необходимости думать.

Все это прямо на глазах обретает все большую важность. Республиканскоe большинство, завоевавшее законодательную власть в американском Конгрессе после выборов 1994, занялось исключительно жесткой официальной политикой, определяемой как «Договор с Америкой».

При сопоставлении с нынешними реалиями не столько по содержанию, сколько по намерениям это что иное, как тот же *Манифест коммунистической партии*. Главным образом здесь речь идет об идеологическом обязательстве ограничить участие государства, сохранив за ним несколько излюбленных функций вроде обороны, социального обеспечения, финансирования исправительных учреждений и обеспечения многочисленных преимуществ для предприятий. Позже все же пришлось дать обратный ход и признать крайнюю важность ряда других государственных функций и общественных служб, которые собирались если не упразднить вовсе, то в значительной мере решительно

урезать. Ныне, когда пишутся эти строки, идеология повернула вспять. На авансцену выходит здравый прагматизм. По этому пути и следует продолжать движение, поскольку только так можно соблюсти общественное достоинство и обеспечить подлинную демократию.

БЛАГОПОЛУЧНАЯ ЭКОНОМИКА

Никто не может сомневаться в экономической подоплеке благополучного общества. Общеизвестна популярная точка зрения о необходимости гарантировать возможность работы для всех тех, кто этого хочет. Это ведет к постоянно увеличивающимся среди населения ожиданиях непрерывного расширения и все большего вовлечения в производство новых рабочих.

Общеизвестна проблема, с которой благополучное общество должно разобраться - это болезненная тенденция современной экономики к частым и нередко длительным периодам, спада и застоя, неизбежно сопровождаемым, ростом безработицы. Частое проявление таких обстоятельств, а не непрерывное поступательное расширение является отличительным знаком рыночной экономики. Поэтому безработица продолжает оставаться незаживающей язвой современной эпохи даже в период бурного роста благосостояния.

Немало светлых умов билось над доскональным изучением глубинных причин колебаний экономики, окрашенных экономическими циклами. Сущность этого явления не так уж загадочна. Современная экономика нуждается в постоянном товарообороте, то есть, если говорить экономическими терминами, в том, что называется общим спросом, в эффективном использовании имеющихся производственных мощностей, стимулировании расширенного воспроизводства и вовлечении в него всю наличной рабочей силы. Рабочая сила, которая в свое время ограничивалась только наемными рабочими промышленности, сегодня охватывает иные обширные сферы деятельности: услуги, искусство, театральную деятельность, высокие технологии, образование и еще многое другое. Если некоторые трудности адаптации специализации к нуждам неизбежны, то это связано самими людьми, которые в качестве рабочей силы постоянно устанавливают верхний предел производственных возможностей экономической системы. Объем общего спроса на товары и услуги должен поддерживать экономику на этом уровне или хотя к нему приближаться. Сбой в этом отношении связан с цикличностью экономики или продолжающейся безработицей и никак не вписывается в долгосрочные цели благополучного общества.

Следует учесть эту тенденцию цикличности, ставшей неотделимой от экономической системы. Причины ее различны, но наиболее очевидным и постоянно повторяющимся является чрезмерное увлечение спекуляциями в благополучные годы, которые оказывают свое фатальное влияние на снижение инвестиций и потребительских расходов. Из этого неизбежно следует уменьшение общего спроса, что тут же отражается на производстве товаров и на занятости. Спекулятивные сделки в той или иной форме получили особое распространение 80-е годы. Это были биржевые спекуляции и спекуляции с недвижимостью, облигациями с высокой степенью риска, тут же довлела мания объединений и приобретений с неизбежным накапливанием отрицательного фактора из-за эффекта депрессии. Начало их задумывались мошеннические операции, принесшие в XVIII веке огромные убытки акционерам английского общества South Sea Company. Это, позволим себе повториться,

характерная черта системы. В Соединенных Штатах она проявилась уже в первые дни своего образования. За спекуляциями неизбежно следовали рецессии, депрессии и безработица. Лучшие знания, введение общепринятых норм поведения, осознание побудительных мотивов могли бы благоприятствовать развитию, но, на практике, все усилия направлялись успокоение страстей, борьбу с кризисами и, особенно, с безработицей, постоянно зарождавшихся в вихрях циклической нестабильности экономической жизни.

Стабилизация общего спроса имеет жизненно важное значение. Глобальный спрос состоит из трех решающих компонентов: потребительских расходов, расходов на частные инвестиции и расходов, финансируемых за счет налоговых государственного бюджета или, что бывает чаще, формируются в виде государственного долга. Иногда, в экономической сфере, решение конфликтов представляется более простым.

Многие полагают, что когда покупательная способность, то есть, общий спрос недостаточен для обеспечения высокого уровня экономического роста, некоторые безболезненные меры достаточны, чтобы вновь вернуть доверие потребителей и предприятий; в результате начнутся расходы на частные инвестиции и возрастут потребительские расходы. Но все эти меры, являясь образцами красноречия, призывают к установлению равновесия и ограничению регулирующей роли государства. Опыт показывает, что такие меры не очень эффективны. И принимают их разве что только те, что сами их и предлагают. Однако проходит время, и спад или депрессия (между этими двумя категориями практически нет различия, хотя многие экономисты пытались их найти) все же подходят к концу. Издержки и неизбежные убытки от спекуляций, томительное ожидание лучших времен, - все это ушло и позабыто. Растут расходы, оживляются инвестиции. Но переходный период, все же, болезнен, особенно для экономически более уязвимых. Поэтому благополучное общество, должно располагать эффективными мерами противостояния кризисам и обеспечивать постоянный и надежный прирост производства и занятости.

Для выполнения этой задачи и увеличения всеобщего спроса, мы можем работать в трех основных направлениях. Можно уменьшить налоговое давление, оставляя потребителям больше возможностей для расходов на личное потребление. Согласно этому тезису, особенно близкому тем, кто видит такой путь уменьшения сборов, как уже говорилось, так можно было бы оживить инициативу и побудить отдельные лица и предприятия к инвестициям, с оглядкой на дальнейшее возрастание общего спроса. Считается, что больше всех в таком изменении экономического курса заинтересованы крупные налогоплательщики, поскольку он сулит в перспективе большие поступления.

Второй путь состоит в снижении процентных ставок центрального банка. Таким образом, поощряются займы, инвестиции и потребительские расходы предприятий, которые смогут способствовать росту общего спроса.

И, наконец, государство может непосредственно влиять на формирование спроса, производя новые расходы, превышающие налоговые поступления, намеренно сохраняя или увеличивая собственный дефицит. Предпринимая одно или несколько таких действий можно добиться поддержания общего спроса на уровне, который побудит предприятия и государство вовлекать в хозяйственную деятельность новых рабочих.

К сожалению, все эти формы государственного участия не в равной степени эффективны. Кроме того, они создают проблему инфляции. И, как уже как уже отмечалось, в обществе есть немало тех, кого вполне устраивают застой и безработица. Они далеко не сторонники мер, благоприятствующих экономическому росту и связанному с ним высокому уровню занятости.

Манипулирование процентными ставками для управления денежно-кредитной политикой, наиболее популярно в среде *истэблишмента*. В нем видится эффективный способ борьбы с застоем и безработицей. Естественно, он должен приниматься во внимание первыми. Этот прием есть в арсенале, и он активно применяется Федеральным резервным фондом Центрального банка Соединенных Штатов. Особой добродетелью денежно-кредитной политики считается ее выведение из-под давления демократического процесса; необходимые меры принимаются управляющими. В интересах общества они не участвуют в политических спорах и свободны от внешнего влияния и контроля.

В отношении денежно-кредитной политики следует упомянуть, что кроме чудодейственной силы, приписываемой искушенным экономических вопросах спецам, в них же видятся небывалые способности, находящиеся за пределами понимания даже самых информированных среди лиц, не входящих в банковское сообщество. Этот момент следует подчеркнуть: в нынешнее время нет ничего такого, что можно было бы считать признаком исключительного ума, особенно при жонглировании огромными суммами денег. Только кадровая ротация таких лиц может покончить с этим мифом.

К слабой стороне денежно-кредитной политики относится ее незначительное и даже полностью отсутствующее влияние на формирование общего спроса. Как уже отмечалось, считается, что снижение процентных ставок препятствует развитию депрессии, побуждая потребителей брать ссуды на расходы, а предприятия их увеличивать. Предприятия могла бы привлечь низкая стоимость кредитных денег и вытекающее из нее увеличение прибыли. Однако при неблагоприятной конъюнктуре и высокой безработице низкие проценты никак не побуждают потребителей к новым расходам; они ведут себя соответственно моменту, диктуемому состоянием безработицы или неопределенной занятости. В периоды очевидного избытка производственных мощностей предприятия как старые, так и новые, едва ли обольщаются низкими процентными ставками и возможностями вложения в производство в расчете на рост доходов: долгосрочные перспективы выглядят слишком неопределенными. Кроме того, низкие процентные ставки отрицательно сказывается на тех, доходы которых зависят от самих ставок, следовательно, их вклад в общий спрос тоже снижается. Таким образом, ни один из этих аргументов не может убедить в том, что финансовое регулирование может служить в качестве решающего экономического инструмента. Практический опыт, однако, говорит о совершенно противоположных мотивах.

Снижение налогов обычно рассматривается в качестве меры для поддержания общего спроса в период спада. При меньших налогах на доходы и потребление у налогоплательщика в распоряжении останется больше средств, которые могут способствовать увеличению спроса. Кроме того, с перспективой большего дохода после отчисления удержанй возрастает производственная активность, а объемы инвестиций начинают увеличиваться.

Надежда снова вступает в противоречие с действительностью: нет никакой уверенности в том, что средства, освободившиеся после снижения налогов, будут направлены на инвестиции или на возмещение расходов. В нелегкую годину, как граждане, так и предприятия, профинансированные таким образом, скорее постараются сохранить свои деньги до лучших времен. Кроме того, к наиболее горячим сторонникам снижения сборов в качестве противоядия к экономическому спаду и безработице относятся те, которые видят в этом облегчение собственного налогового давления. Если выигрывает один, говорят они, выигрывает и общество. В действительности же все не так: налогообложение в расчете на более высокий доход может принудить к избавлению от фондов, которые не смогут быть использованы на расходы или инвестиции. Налоговая льгота благоприятствует только тем, кто, как отметил John Maynard Keynes, вдохнув жизнь в новый афоризм, отдает

предпочтение ликвидности. Желание располагать свободными деньгами или их эквивалентом ничего не добавляет к общему спросу.

В качестве меры стимулирования спроса в период спада или застоя остается только прямое и активное участие государства, призванного обеспечить занятость. В идеальном мире необходимости в этом быть не должно. В мире реальном, в котором периоды экономического застоя следуют один за другим, равной по эффективности альтернативы просто нет.

Характерные черты государственного противодействия спаду и депрессии очевидны. Процентные ставки должны быть реально снижены, независимо от их действенности. Однако единственная единственная мера правительства должна быть направлена на создание рабочих мест для тех, кому безработица светит неотвратимо. Идя на этот шаг, государство не должно останавливаться перед увеличением долга, поскольку общественный дефицит в этом случае просто несоизмерим. Дефицит, об этом мы еще будем говорить, нельзя рассматривать как препятствие для эффективного государственного участия, поскольку, стимулируя экономику, он увеличивает доходы и, соответственно, налоговые поступления. Совершенствование общественной инфраструктуры - дорог, школ, аэропортов, квартир, кроме повышения занятости, будет способствовать повышению благосостояния и росту богатства в обществе. Государственный долг со временем может стать стабилизатором налогового давления.

Когда экономика выходит из застоя, и государственные доходы растут, следует постепенно отменить расходы на стимулирование занятости. Налоги нужно установить на прежнем уровне или даже увеличить для того, чтобы помешать спекулятивным излишествам и снизить инфляционное давление на рынки, вызванное повышенным спросом.

Такое широкое участие не совсем удобно. Влиятельная часть общественного мнения не воспринимает его, считая, что оно не отвечает реалиям современной экономики. Вновь предлагается противоположная форма решения: нет реальной альтернативы. Отрижение того, что идеологически вышло из моды, из-за сложности реализации продолжает оставаться единственным способом смягчить негативное влияние застоя и безработицы.

Зимой 1995 вновь избранное республиканское большинство Конгресса Соединенных Штатов, при поддержке демократов с перевесом всего в несколько голосов сумело вынести на обсуждение проект конституционной поправки об едином сбалансированном бюджете в любое, кроме военного, время. Такая законодательная инициатива произвела бы экономически самый отрицательный эффект за последние годы, поэтому она едва ли могла пройти. Подобный закон вел бы к увеличению налогов и снижению государственных расходов как раз в те моменты, когда обычные государственные доходы уже снизились из-за спада или депрессии. В то же время он предполагал бы большие государственные расходы и уменьшение налоговых поступлений в лучшие времена, увеличивая общее спекулятивное и инфляционное давление. Трудно найти что-нибудь такое, что могло бы так успешно усиливать экономическую нестабильность.

Регрессивная поправка была отклонена, но при минимальном перевесе голосов для отклонения конституционной поправки. Этот случай в который уже раз продемонстрировал, что меры, необходимые для сглаживания колебаний между бумом и спадом вовсе не пользуются популярностью. Поражает удивительной живучестью стремление не строить хорошую и стабильную экономику, а, скорее, болезненно неустойчивую.

Наконец, еще один момент. Экономическое банкротство, безработица, постоянно ложатся тяжелым бременем на рабочих. Классическим ответом на росте безработицы становится призыв повышать профессиональную подготовку. Политически такая мера вполне приемлема. Получение образования и повышение профессионального мастерства

являются основополагающими в благополучном обществе, об этом мы уже говорили. Но они не оказывают решающего влияния на достижение близких и дальних целей, которые мы также уже упоминали. Нанося удар по экономике, депрессия и спад поражает всех, образованных и необразованных, обученных или нет. В этом нет сомнений. Требование повышения профессионального образования рабочих в качестве борьбы с безработицей и спадом стало последним, не совсем продуманным доводом либералов.

Благополучное общество должно бороться с рецессией, спадом и застоем, довлеющим над современной рыночной экономикой. Не менее важно решить проблему обеспечения высокой и полной занятости, инфляции и преодоления противодействия многих тех, кому выгоден экономический спад. Не менее спорной, наконец, является тема дефицита.

ИНФЛЯЦИЯ

Как уже отмечалось, две проблемы представляют особую трудность в стремлении к реализации благополучной экономики. Первая – это вероятность, если не говорить об абсолютной уверенности, что в условиях полной или почти полной занятости и при удовлетворительном экономическом приросте неизбежно возникает инфляция, даже при ее сдерживании. Вторая заключается в том, что значительная и авторитетная часть правящего класса не имеет ничего против застоя и безработицы, напротив, она даже отдает им предпочтение как эффективной мере борьбы с этими явлениями и противостояния инфляции, неизбежно вытекающей из этих мер. Важно не упоминать об этом на публике даже между строк. Политику проще сознаться в своих сексуальных злоупотреблениях, чем открыто высказаться в пользу спада и застоя.

Над выбором между полной занятостью - возможностью трудоустройства для всех расположенных к этому рабочих, и повышением заработной платы для тех, кто уже работает – эта экономическая дилемма чаще всего обсуждается, грозно висит дамоклов меч инфляции. Вместе с увеличением государственного долга необходимо стимулировать оживление экономики. Мы, безусловно, разбираемся в причинах инфляции. Уровень спроса, приводящий в действие рынки, расширяет производство и создает потребность в рабочих местах, неизбежно ведет также к росту цен. Этим условием пользуются без ограничений, если не говорить, что им даже управляют. И там, где возможности обеспечения занятости разнообразны, вы обязательно столкнетесь с недостатком квалифицированной рабочей силы на местном уровне. Этот недостаток стремится преодолеть, предлагая более высокую оплату труда, четко представляя себе, что при сильном рынке, способствующем увеличению оплаты труда, добавленная стоимость позже обернется против потребителя. Повышение оплаты труда способствуют росту спроса и еще больше увеличивает давление на рынки.

Сильный рынок и благоприятные условия оплаты, нет нужды говорить, активизирует давление профсоюзов, в то время как в условиях спада все его тяготы ложатся на социально

незащищенных. Такие требования, в свою очередь, оправдывают неизбежный рост цен.

Экономика не всегда расписывается в своем бессилии в решении определенных проблем. Но, вне сомнения, сбой дает попытка обуздить безработицу и инфляцию. Много лет назад «кривая Филлипса» A.W. Phillips из London School of Economics и Australian National University, четко определила обязательство выбора между высоким уровнем занятости с последующей инфляцией, и безработицей, связанной с соответствующей стабильностью цен. Эту закономерность пока никто не оспорил.

Однако не так давно имело место знаменательное опровержение господствующей точки зрения на инфляцию и безработицу. В прошлом безработица была бичом экономики; полная занятость оставалась основным параметром для измерения степени ее благополучия. Этот показатель и сегодня остается таким для большей части экономистов. Однако действительность ныне уже несколько другая: наиболее авторитетная часть политической элиты видит в инфляции самую серьезную угрозу экономическому развитию; открытой задачей становится стабильность цен. В этой перспективе безработица превращается в инструмент стабилизации цен. Новое положение отражает новую действительность, только изредка описываемую с должным откровением, но присутствующую ясным и недвусмысленным образом.

Ключевая причина заключается в том, что в современной экономике и политике те, что реально имеют голос, больше зависят от инфляции, чем от безработицы. Безработица ударяет, прежде всего, по семьям тех, кто непосредственно от нее страдает, и в меньшей мере по тем, кого она не касается.

Безработица дает некоторые преимущества в хозяйственном и общественном плане: арендатор может заполучить толпы наемных рабочих готовых на любую работу из-за отсутствия других возможностей устроиться, боясь безработицы, они становятся более сковорчивыми, более покорными, то же самое можно сказать и о профсоюзах. Еще один важный момент, большая часть граждан, включая и тех, что имеют определенный вес в политике, конечно, не боится остаться без работы.

Инфляция, напротив, как спрут, охватывает значительную часть современной экономической системы. Поэтому многие, кто получает фиксированную заработную плату, пенсию, живет на собственные сбережения, боятся ее намного больше чем безработицы. Вместе с тем повышение цен всегда внушает чувство опасности в тех, доходы которых, индексируются по мере роста стоимости жизни и повышения цен. Подорожание осознается потребителями ежедневно, индексации же проводятся только раз в год. Стабильность цен в долгосрочном плане выглядит намного лучше.

К тем, кто отдает предпочтение стабильности цен в противовес занятости, относятся работники финансовой сферы. Это представители центральных банков, за которыми, как в случае с Federal Reserve, признана экономическая власть. Сюда же входят коммерческие банки, инвестиционные сообщества, весь финансовый мир в целом. Каждый, кто их дает деньги в долг, хочет получить их обратно с процентами или хотя бы в той же сумме. Это желание может стать недостижимым из-за инфляции. И, наконец, служит мощным личным оправданием. Устранение инфляции уже само по себе служит решающим свидетельством качества управления финансами. Инфляция бросает тень на правящий класс, раскрывая его недостатки. Центральный банк – вот кто сдерживает инфляцию на минимальном уровне. Это работа для мужчин в сфере финансов, далеко не освоенной женщинами, но так не судят о положении с безработицей.

Когда речь заходит об этом, иногда открыто говорят: «безработица меня не касается». Финансовая элита в целом слишком выдержанна, чтобы публично заявлять о

стабилизирующей роли безработицы в отношении цен. Признается только, что слишком большое сокращение рабочих мест или слишком быстрое увеличение безработицы опасно и нежелательно, однако никто прямо не скажет, что для стабилизации цен нужно, как уже говорилось, наличие большого резерва, занимающихся поисками работы, никто не станет рассуждать о роли, которую они в этом отношении играют.

Благополучное общество, в меру его возможности, не может надеяться на примирение полной занятости с полной стабильностью цен. В его силах только несколько сгладить конфликт. В мире, где профсоюзы не столь всемогущи, может зародиться осознание необходимости ограничения спирали заработка платы - цены. В трудовые договоры могут включаться надбавки в зависимости от роста стоимости жизни. В Европе после переговоров профсоюзов это принято давно; никого уже не удивляет, когда речь заходит о «европейской модели». Со своей стороны правящий класс должен отплатить той же монетой рабочим, сохраняя установленные цены.

В прошлом правительства как консервативные, так и прогрессивные, в том числе и в Соединенных Штатах, стремились к ограничению заработной платы и цен, соглашаясь в некоторых случаях на общественный контроль за этим процессом. Такой выбор вступает в конфликт с самой природой рыночной экономики и противоречит убеждениям и правилам, установленным в экономике и в обществе. То, чего всегда следовало больше всего добиваться, сегодня является предметом ответственных переговоров по заработной плате и ценам во имя интересов всего общества.

Невозможно избежать выбора между безработицей и инфляцией, им следует противостоять. Благополучное общество не может осуждать ту часть своих сограждан, которая пассивна, социально необеспеченна, терпит материальные лишения и поэтому отдает предпочтение стабильности цен. Всегда следует выбирать из двух зол меньшее: повышение цен. Что вовсе не означает, что следует соглашаться на высокую инфляцию, ограничения личных доходов. Напротив, поступательный экономический рост может обеспечить занятость большей части рабочих, что неизбежно вызовет некоторое повышение цен. Так уже случалось в прошлом, и никто от этого не умер. И так будет в будущем. В плане общественном это лучше стабильности, обеспеченной за счет незанятости определенной части населения.

Следует уяснить, что полная занятость и стабильность цен несовместимы. Как следствие, благополучное общество должно делать все, чтобы как-то уравновесить или уменьшать неприятный эффект от этих явлений. Пособие по безработице должно быть достаточным; не будем ссылаться на отдельные случаи злоупотребления из-за сиюминутной политической конъюнктуры отдельных лиц, никак не отвечающих общественным потребностям, также не следует бросать тень на тех, кто вынужден этим пособием пользоваться.

В то же время, принимая во внимание, что какой-то процент инфляции неизбежен, необходимо предпринимать действия для ослабления ее отрицательного воздействия. В частности, должна проводиться индексация фиксированной и договорной заработной платы, пенсий, окладов преподавателей и государственных служащих, основных социальных пособий. И, важнейший момент, установить минимальный уровень заработной. Индексация уже стала общепринятой практикой, она должна применяться там, где нужно, и стать нормой. Размер индексации при этом должен предвосхищать ожидаемый рост цен. Именно в этом отношении финансовое сообщество реагирует по-особому.

Как уже отмечалось, наибольшее противодействие инфляции исходит от тех, кто живет

за счет ренты. Речь идет о достаточно обширной прослойке современного общества, нет сомнения в том, что их решительное противодействие инфляции является силой, с которой нельзя не считаться. Интересы обеих социальных групп зиждутся на откровенном предпочтении высоких процентных ставок и связанных с ними стабильными ценами.

Финансовое сообщество и общественное мнение нередко относят инфляцию к так называемой «теории беременности». Как женщина не может быть «чуть-чуть беременной», так и в экономике не может быть «чуть-чуть инфляции», конечно, ее больше. Получается бесмыслица. Уровень инфляции может повышаться или понижаться в соответствии с внутриэкономическими законами. Об этом говорит опыт многих лет, десятилетий. Цены росли постепенно без катастроф и без так называемой гиперинфляции. Для послевоенных лет была характерна высокая занятость и связанный с ней постоянный экономический рост при скромном годовом росте цен. Это вовсе не значит, что не было никакого контроля. Разница только в том проблемы инфляции не пытались решить за счет безработицы.

Давая характеристику благополучному обществу, мы с удовольствием можем утверждать, что полная занятость и стабильность цен могут быть вполне совместимы. В прошлом этот вопрос стал предметом многих исследований. И вот что получается: утопия может стать реальностью. Незначительный уровень безработицы, безусловно, необходим: здесь всегда можно найти приемлемое решение. Но ее соединение с абсолютной стабильностью цен находится за пределами возможного.

ДЕФИЦИТ

В истории современной эпохи мы переживали периоды, когда некоторые привычные явления вдруг переходили в разряд бессмыслицы, иррационализма или просто абсурда. И кто бы ни пытался решить проблему государственного долга, то есть, дефицита между поступлениями и расходами государства, неизбежно терпит крах. Как уже говорилось, при незначительном перевесе голосов удалось претворить предложение о поправке к конституции, обязывающей правительство выходить на сбалансированный бюджет. Если бы она прошла, сбалансированный бюджет стал бы такой же конституционной нормой как свобода слова или защита частной собственности.

Чаще всего говорят, что государственные расходы обостряют дефицит, эти возражения слышны, и даже обсуждаются самые настоятельные расходы, когда речь заходит о помощи нуждающимся гражданам – именно по этой статье чаще всего и расходуются деньги. Но есть и другие статьи. Если говорить о Соединенных Штатах, то там наиболее ярким примером являются военные расходы, к этой теме мы еще вернемся. Помощь бедным решительно отодвигается на задний план.

Каков же в благополучном обществе принцип, от которого зависит управление государственными фондами и снижение дефицита?

Пока нет закона или традиции обязательного сбалансированного бюджета, то есть равенства между ежегодными поступлениями и расходами. Это все же вовсе не значит, что в современном государстве работа над сбалансированным бюджетом должна быть пущена на самотек; этот вопрос всегда требует осторожного и благородного подхода. Нужно всего лишь, чтобы эта осторожность и благородство действовали внутри самой структуры. Перейдем теперь к некоторым деталям.

Есть три больших статьи государственных расходов. Одна из них не имеет четко определенной цели ни в настоящем, ни в будущем: это расходы на создание или обеспечение экономических или государственных условий в настоящее время, в будущем они должны привести к росту производства, увеличению доходов и в целом способствовать общему благосостоянию.

Следует сказать в первую очередь о расходах, не имеющих необходимости целенаправленной цели. Общеизвестно, что безукоризненных организаций нет, то же относится и к современному государству. Во всех крупных организациях, государственные они или частные, постоянно проявляется тенденция к избытку персонала: руководство организации всегда хочет иметь под рукой значительное число зависимых от него реально или предполагаемо талантливых работников. Жизнь становится несравнимо более комфортной, если в твоем распоряжении находятся люди, думающие и работающие вместо тебя. Кадровый состав – это обычный параметр для определения положения и престижности работодателя, одновременно возрастает общий вес организации. Кроме того, возникают возможности дополнительных экономических или политических расходов, в которых коллектив совершенно не нуждается.

До тех пор, пока эти бесполезные расходы не попадут под контроль и не будут прекращены (что, впрочем, является одной из главных задач государственной администрации), они будут возмещаться за счет налоговых поступлений. Никто, если исключить пользователей этого щедрого источника, не станет поддерживать такие расходы, покрываемые за счет увеличения государственного долга. И вряд ли кто-то захочет свалить на будущие поколения бремя нынешних долгов. Теоретически все это так. Но в практической действительности все совершенно по-другому: выделить эти суммы из общих расходов не так просто. Задача перекрыть поток расходов, который на деле мог бы быть направлен на поддержание наиболее нуждающейся части общества, представляется почти невыполнимой.

Вторая и достаточно большая статья общественных расходов, покрываемых за счет налоговых поступлений и нормативных расходов правительства, используется для финансирования функций, необходимых сегодня, но нечетко ограниченных во времени. К ним относится обширное деятельность правительства - применение законов, текущая реализация внешней политики, поддержание промышленности и сельского хозяйства, обеспечение обороноспособности в мирное время (что, как уже говорилось, в дальнейшем будет рассмотрено более подробно) и еще многое другое. Увеличение государственного долга для финансирования такой деятельности за счет увеличения государственного долга не имеет никакого экономического или общественного оправдания, поскольку не в состоянии что-либо добавить к конечным интересам общества. По мнению сторонников более широкой налоговой политики, направленной на защиту от спада или застоя, текущие демократически определяемые функции государства должны финансироваться из налоговых и других текущих поступлений.

Остается, наконец, часть государственных расходов, направляемая поддержание будущего благосостояния и экономического роста. В этом случае увеличение долга не только законно, но также с общественной и экономической точки зрения желательно. В частном секторе экономики аналог увеличения госдолга находит широкую поддержку даже среди наиболее откровенных и последовательных противников государственного дефицита.

То, что для современного предприятия является нормой, должно быть также привычным

для государства. Расходы на поддержание текущего производства должны соответствовать поступлениям; однако нельзя с той же меркой подходить к инвестициям, рассчитанным на стимулирование прироста богатства и будущих выгод. В этом случае дефицит имеет законное обоснование, он нормален. Процентные начисления и амортизации должны покрываться за счет доходов; капиталовложения – нет. Это принцип, регулирующий в Соединенных Штатах расходы местных правительств. Только федеральное правительство включает капиталовложения в статью текущих расходов. Речь идет о чисто бухгалтерском, лишенном какого-либо логического обоснования подходе и зиждется только на личном мнении, привычке, красноречии и политических ошибках. Когда государственные расходы идут на поддержку или же на существенное ускорение будущего роста экономики, увеличение производства, занятости или поступления, от которых зависят будущие доходы государства, дефицит бюджета вполне приемлем. Но это исключается, если решение проблем перекладывается на плечи будущих поколений, поскольку кто заказывает, тот по справедливости и платит. Если предположить, что налоговое бремя останется, в общем, таким же, и что экономика будет стабильной, то эти расходы будут возмещены за счет увеличения будущих поступлений. Увеличения доходов, которые в той или иной степени, являются результатом долгосрочного инвестирования. Ведь именно для того, чтобы обеспечить эти доходы, оно и было сделано.

Будущие поступления в значительной степени и станут результатом таких государственных расходов. Расходы за общественные нужды являются наиболее очевидными, их всегда приводят в пример. В равной степени это можно сказать также об инвестициях в улучшение транспортной инфраструктуры, включая воздушное движение и будущий контроль над ними. Новые поколения должны платить за то, чем они будут пользоваться. То же самое можно сказать о расходах, предназначенных для финансирования государственной почтовой службы; такие затраты почтовые службы частного сектора считают самими собой разумеющимся. Но аргументы не исчерпываются только этим.

Инвестиции в здравоохранение значат иметь в будущем более продуктивную рабочую силу; при этом благополучие со здоровьем населения сокращает расходы на медицину. То же самое можно сказать и об инвестициях в программы по предупреждению злоупотребления наркотиками, алкоголем и табаком. Крепкие здоровые дети, благодаря расходам государства, в будущем окуются высокой трудовой производительностью. Нынешние расходы, увеличив в будущем налогооблагаемую базу за счет большей производительности, обернутся прибавочной стоимостью, которая позволит вернуть долг с процентной надбавкой и погасить амортизацию возросшего государственного долга.

Но это только малая толика. На деле выгода значительно больше. В перспективе возрастут доходы, и увеличится производительность и, в целом, отдача экономики, в первую очередь благодаря повышению образованности населения. Разумеется, если говорить об инвестициях на будущее, то нет более выгодного вложения государственных средств, чем расходы на образование, то есть на развитие интеллекта и повышение производительности человеческих существ. С другой стороны, значительная часть расходов на образование и здравоохранение далее должны быть включены в нормативные расходы; следует отметить также, что нет более инвестиций с более долгосрочным эффектом. Проблема возникает, когда следует сделать разграничение между обеими статьями расхода.

Действительно, никаких возможностей отделить расходы на текущие потребности финансирования учреждений, здравоохранения, программ помощи нуждающимся и многих других общественных статей, которые могут дать прирост в будущем. И здесь стоит задать вопрос, а стоит ли расшибаться, чтобы определять, какие же расходы все-таки являются

долгосрочными. Нельзя противопоставить числовое отличие концептуальному. Однако общая закономерность, все же, есть.

Продолжая исходить из предпосылки совокупной эффективности государственных органах управления и благоразумия в распределении государственных функций, бюджетный дефицит и соответствующие прибыли со временем должны были бы увеличиваться в постоянном соотношении к совокупному росту экономики. В случае, если государственный долг и проценты на него растут слишком быстро, следует поставить вопрос о соответствии расходов указанному экономическому росту. Если они быстро увеличиваются, возникают сомнения в адекватности государственных инвестиций ожидаемому экономическому росту. Поскольку невозможно раздельно подсчитать текущие точные расходы и капиталовложения, приходится разбираться с ними вместе.

Затраты на обслуживание государственного долга в общих чертах должна идти в ногу с ростом возможностей оплаты. Говоря экономическим языком, проценты по оплате долга должны иметь почти постоянную величину по сравнению с ростом совокупного дохода, с которого долг оплачивается. В Соединенных Штатах, несмотря на страхи перед государственным долгом, в последнее время такое соотношение сохраняется постоянно. В восьмидесятые годы, напротив, наблюдался вертикальный рост процентных начислений по обслуживанию долга по отношению к валовому внутреннему продукту – сказывалась платежеспособность – следствие гонки вооружений в период правления Рейгана и ковбойской или, как утверждали некоторые, ультракайнезианской политики противостояния той эпохи. Позже процентные начисления по долгу в соответствии с ВНП стали постепенно снижаться, и в настоящее время, когда пишутся эти строки, сохраняются на почти постоянном уровне. Будущим поколениям, таким образом, неизбежно придется разгребать авгиевы конюшни некоторых из нынешних расходов. Но если бы соблюдались условия, о которых мы говорили выше, затраты покрывались бы за счет прироста общественного богатства и повышения благосостояния, которые этот дефицит и создавали.

Остаются два вопроса. В первую очередь это настоятельная потребность освободиться от твердого убеждения в необходимости составления бюджета на годовой основе. В благополучный период, поступления в казну государства высоки, соответственно дефицит должен уменьшаться. Как следствие, больше средств должно вкладываться в будущий рост экономики. И согласно этому же суждению, на фазе спада и, соответственно, обострения кризиса и роста безработицы, необходимо делать капиталовложения в обеспечение занятости, как следствие, неизбежно увеличивая дефицит государственного бюджета. О соответствующей налоговой политике в такие моменты мы уже говорили.

Экономическая политика, направленная на созидание благополучного общества, инвестирует государственные средства в будущее развитие экономики и благосостояние. Такая политика позволяет найти инструменты погашения процентов и амортизации долга, и стремится к необходимому уравниванию соотношения экономических условий в периоды процветания или спада. Могут быть возражения, что, мол, как уже говорилось, слишком велик риск государственного вмешательства. Демократические правительства действуют на основе менее сложных принципов, более простых приемов. Может показаться, что дела обстоят именно так. Но никто не позволит себе утверждать, что управлять современной экономикой проще пареной репы. Напротив, возможно мы противостоим общепринятым постулатам управления государственными делами, поскольку в Соединенных Штатах, как и в других промышленно развитых странах, господствующей тенденцией является борьба за снижение дефицита. Мы все же не приносим извинения за то, что игнорируем общепринятую политическую линию и налоговые основы благополучного общества.

Сегодня, как мы отмечали, дефицит бюджета является инструментом для блокирования социально оправданного, но политически неприятного государственного вмешательства. Чтобы приложить руку к широкому выбору общественно полезных деяний, следует взять на вооружение тезис, согласно которому сходное государственное участие может привести к росту дефицита который в форме налоговых тягот может достаться нашим внукам. Совершенно ясно, что это необоснованный тезис, бессмыслица, служащая интересам определенной стороны. Правильное видение несколько иное: дефицит может быть источником поддержания и поступлений для будущих поколений, увеличения их общего благосостояния и возможности погашения долга. Так было в прошлом, так будет и в будущем.

Есть еще один аргумент против увеличения дефицита и образования государственного капитала. Идти на это, поддерживать его – значит пускать по ветру резервные фонды и сбережения и изымать из частного сектора средства, направляемые на капиталовложения. Этот тезис подогревается наличием низких процентных ставок при изобилии фондов для капиталовложений. Равным образом, при высоких процентных ставках, центральные банки могли бы снижать их и соответственно поощрять инвестиции. Этот тезис также противоречит частным капиталовложениям в производство потребительских товаров или услуг и, безусловно, необдуманным государственным инвестициям при любой возможности. С отдаленным любопытством можно рассматривать типичный случай сохранения сбережений, случай, становящийся все более распространенным из-за дефицита: это еще один прием борьбы против открытости государственной политики.

Бюджетная и налоговая политика играют важнейшую роль в современной экономике, поскольку они связаны с дефицитом, от них зависят многие другие направления политики в целом. Однако проблема от этого не становится меньше. В том числе и необходимые меры контроля. Именно так проходят через испытания экономические основы благополучного общества.